

РОМАН ИОНА ДРУЦЭ «БРЕМЯ НАШЕЙ ДОБРОТЫ» В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ КРИТИКИ 1970–80-Х ГГ.

Т. А. Тернова, Е. В. Корноголуб

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 ноября 2017 г.

Аннотация: роман И. Друцэ «Бремя нашей доброты» был широко освещен критикой 1970–80-х гг. Внимание И. Дедкова, И. Питляра, В. Иванова и др. было сосредоточено на осмыслении молдавского национального характера, изображении истории в романе, ценностных позициях автора. Символический пласт романа и его религиозный смысл не становились предметом истолкования. Этот пробел восполнен новейшей критикой.

Ключевые слова: И. Друцэ, роман, «Бремя нашей доброты», билингвизм, молдавский национальный характер, литературно-художественная критика.

Abstract: the novel of I. Druta «The burden of our kindness» was widely discussed by critics of the 1970s–1980s. The attention of I. Dedkov, I. Pitlyar, V. Ivanov, and others was focused on understanding the Moldovan national character, depicting history in the novel, the author's values. The symbolic layer of the novel and its religious meaning did not become the subject to interpretation. This gap was filled by the latest criticism.

Keywords: I. Druta, novel, «The burden of our kindness», bilingualism, Moldovan national character, literary criticism.

«Бремя нашей доброты» (1968) — пожалуй, наиболее известное произведение молдавского писателя Иона Друцэ. Его можно с полным правом назвать выражением размышлений писателя о человеке, Родине, системе ценностей.

Смысловая многослойность романа И. Друцэ, оригинальность его стилистики обусловили внимание к произведению со стороны русской советской критики 1970–1980-х гг. Целью нашего исследования будет выявление аспектов романа, которые стали предметом литературно-критического осмысления в период опубликования текста.

Практически все обращавшиеся к тексту романа в 1970–1980-е гг. (А. Бочаров, И. Питляр, И. Дедков) видели в нем этнографический пласт, попытку осмысления молдавского национального характера. Стоит отметить, что этот ракурс истолкования романа одновременно раскрывает и ценностные ориентиры самого писателя. Центральным вопросом в молдавском национальном сознании оказывается вопрос о земле, осознаваемой как неотъемлемая составляющая жизни крестьянина: «Его проза — это своеобразный гимн земле, которая есть закон сама по себе, земле, в которой крестьянин может сотворить все, что душе угодно, и которая представляет собой его способ жить, его умение, его фантазию, его бремя и его мечту» [1, 4].

Ценностные ориентиры писателя обозначены в заглавии романа, которое также становится предметом истолкования. Оно имеет нарочито религиоз-

ный смысл и отсылает к Евангелию от Матфея: «...возьмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящите покой душам вашим; иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть» (Мф. 11, 29–30). Этот источник заглавия романа И. Друцэ чрезвычайно важен для критики постсоветского времени, которая истолковывает произведение как пример православной прозы [3]. Критика же 1970–80-х годов, руководствуясь сложившимися в советском обществе атеистическими установками, нарочито игнорирует религиозный подтекст заголовка, оставляя его смысл не до конца проясненным и сводя его истолкование к этическому посылу не столько мироустроительного, сколько житейского плана.

Исследователь 2000-х гг. В. Л. Гусаков констатирует зависимость критики советского времени от идеологических установок, которая оказывается очевидной при попытках истолкования ими романа И. Друцэ: «В советское время критики, обращаясь к роману Друцэ <...>, как правило, стыдливо обходили вниманием наиболее уязвимые, с точки зрения официальной идеологии государственного атеизма, места, где текст соотносился с христианским сознанием молдаван» [3, 29].

Показательно в этой связи истолкование романа, который дал В. Гацак. С опорой на исследования молдавских этнографов он доказывал, что праздник крэчун, значимый в сюжете романа, имеет, в первую очередь, языческую, а не христианскую основу. Он замечает, что колядки, которые исполнялись в этот праздник, вторичны по сравнению

с «мирскими» колядками, воплощавшими народную традицию [3]. С этим мнением относительно трактовки крэчуна (Рождества) сегодня вряд ли можно согласиться.

Игнорируя религиозный смысл названия романа, критика советского времени указывала на его «философский» характер. Так, пытаясь примирить кажущееся несоответствие между словами «доброта» и «бремя» (тяжесть), И. Питляр подчеркивает, что в романе речь идет о «доброте труда», деятельной доброте — заботе, в которой нуждаются все: «Вдумываемся в название романа — «Бремя нашей доброты» [6, 41]. Доброта сама по себе — прекрасное, светлое свойство человека. — почему же она «бремя», груз, тяжесть?». Понятие 'доброта' в интерпретации И. Питляр получает расширительное толкование, дополняясь такими компонентами, как 'совестливость', 'целеустремленность' (которую она называет очарованностью, мечтательностью), 'жертвенность': «... понятие подлинной доброты у Друцэ включает не только трудовые, иногда непомерно тяжкие усилия, но еще и другое — совестливость, стремление к справедливости и непременно — мечту, окрыленность, «очарованность» души, ее неумную тягу к идеалу, каким бы скромным и «рядовым» ни был при этом удел человека» [6, 45]. Религиозный смысл заглавия полностью дезавуируется автором, хотя в истолковании названия И. Питляр и отмечает стремление к идеалу, не указывая на него.

Надличностный и этически декларирующий смысл заглавия низводится до истолкования частного случая судьбы главного героя, Онаке Карабуша: «Да к тому же и Онакия Карабуша трудно безоговорочно назвать добрым человеком... Видимо, доброта Карабуша и других дружэвских стариков иного сорта. Прежде всего, это — доброта труда. Того труда, который кормит и одевает землю» [6, 43].

Критики отмечают, что роман не изолирован по проблематике от других произведений И. Друцэ. «Название романа «Бремя нашей доброты», несущее в себе и отзвук гордой радости, и отблеск горьковато-печальной улыбки, подчеркивает намерения автора: да, здесь в центр внимания поставлена мысль, более всего волнующая его в творчестве, — мысль о добре», — замечает И. Дедков [4, 68]. И. Питляр также склонна рассматривать произведения И. Друцэ как единый в плане проблематики корпус текстов: «Тема действенного, активного добра, тема совестливости, человеческого «соучастия», ответственности за судьбы других людей — очень дружэвская тема» [6, 46].

Таким образом, оказывается отмеченной и этическая составляющая произведения И. Друцэ, которая абсолютно уводится в критике 1970—1980х гг. от религиозного истолкования: «произведении о человеческом достоинстве, о духовной энергии справедливого, доброго человека, которая, возможно только и есть подлинное знамение» [4, 78].

Значимым ракурсом рассуждений русской советской критики становится осмысление образа главного героя романа, крестьянина из села Чутуры Онакия Карабуша. Род его деятельности осмысливается в онтологическом ключе. Он не просто земледелец, он пахарь молдавской земли, для которого выращивание пшеницы, как подчеркивает Бочаров, «это не только хлеб насущный, но и религия и обычай» [1, 10].

Самая характерная его черта — живучесть: «Живучесть — это великий божий дар, и это живучесть была свойственна Кэрэбушу в высшей степени» [1, 16], причины которой также можно найти в его родстве с землей.

Уже в 1970—80-е гг. критика осознала символический характер многого из того, что связано в романе с героем, поднятым автором на уровень онтологии. Так, огонь печи перед смертью Карабуша осмысливается И. Питляр как «символ жаркого сердечного горения, символ великого самосожжения человека на костре жизни» [6, 46].

О. Карабуш связан тонкими, но очень ощутимыми нитями не только с членами его семьи, но и деревни Чутуры в целом. По мысли И. Питляр, он является для большинства героев нравственным ориентиром [6]. Тем не менее, Карабуш осмысливается критиком не как исключительный герой, а герой-тип, характер которого детерминирован всей историей его рода: «Карабуш еще не знал, — скажет писатель, — что покорно опускать голову при полной своей правоте очень трудно, для этого нужно великое мужество, и не обладая его предки этим мужеством, сегодня, может быть, не было бы ни Сорокской степи, ни Чутуры, ни самого Карабуша» [6, 51].

Поднятый автором на уровень мироздания, осмысленный как носитель лучших черт молдавского национального характера, герой был воспринят критикой как первое подробное изображение молдавского крестьянина в формирующейся молдавской советской литературе (молдавская литература вошла в советскую после 1940 г.).

В этой связи ведутся поиски известного читателю культурного контекста, в который может быть встроен образ героя. Анатолий Бочаров ставит творчество Друцэ в один ряд таких мастеров литературы, как Шолохов, Твардовский, Астафьев, у которых преобладает любовь к малой родине: «Любовь писателя к своей малой Родине сквозит во всем <...>, это любовь, смягченная, облагороженная деликатностью» [1, 5].

А. Бочаров по ряду критериев сравнивает героя Друцэ с известным русским неунывающим Василием Теркиным А. Т. Твардовского. «Есть в Карабуше нечто, что русские читатели привыкли называть теркинским: как и В. Теркин, он тоже волна народного моря, и, как Теркин, живуч, благополучно выходит из разных жизненных передрыг» [1, 9].

В поисках литературных предшественников Друцэ Бочаров называет имена русских писателей: Толстого и Шолохова. Тем не менее, критик ни в коей мере не считает Друцэ автором второго ряда, напротив, он подчеркивает, что писателю удалось создать уникальный симбиоз русской литературной и молдавской эстетической традиций: «В романе слились воедино как лучшие традиции русской литературы, в частности Льва Николаевича Толстого, так и достижения новой молдавской литературы, отметим, что первый молдавский роман как жанр был заявлен Ионом Канна «Утро на Днестре» [1, 28].

Ирина Питляр в поисках литературного контекста для произведения Друцэ исходит также и из критерия типа героя. Она вспоминает лесковских персонажей, с которыми Онаке Карабуша связывает «очарованность» души: «Однако понятие подлинной доброты у Друцэ включает не только трудовые, иногда непомерно тяжкие усилия, но еще и другое — совестливость, стремление к справедливости и непременно — мечту, окрыленность, «очарованность» души, ее неумную тягу к идеалу, каким бы скромным и «рядовым» ни был при этом удел человека» [6, 44].

Стоит отметить, что новейшая критика усматривает те же контексты для понимания творчества И. Друцэ (Шолохов, Толстой), добавляя имена, которые по определенным причинам не могли восприниматься в 1970—80е гг. как обозначение классической традиции. В их числе — А. И. Солженицын. Сравнивая личности и художественную практику писателей на материале рассказа А. И. Солженицына «Матрёнин двор» и «Одиночества пастыря» И. Друцэ, И. Цвик отмечает сходство их судеб («каждый из них пережил пору гонений и непонимания») и этической позиции: «Ключевое слово «правда» объединяет двух писателей» [9, 161], фиксирует внимание на религиозном начале прозы Друцэ и Солженицына.

Встраивая роман И. Друцэ в контекст русской реалистической литературы, чаще эпического характера, критика советского времени искала в нем отражение большой истории. «... история жизни ... охватывающая более сорока лет» [6, 34].

Критика 1970—80-х гг. стремилась увидеть в романе внятную политическую, историческую позицию писателя. Действительно, жизнь села Чутуры, показанная в романе, не изолирована от больших тревог мира [4, 71]. Установление советской власти показано в романе Друцэ как освобождение, радость: «И какая это была радость в те годы — русский солдат в выцветшей пилотке с пятиконечной звездой! Этот солдат нужен был каждому дому, он был для них всем...» [4, 72]

Многие (И. Питляр, И. Дедков, А. Бочаров), писавшие о «Бремении нашей доброты» отмечали сцену, когда к Нуце и ее мужу Мирче, убирающим подсолнух, приходит их бывший односельчанин Ника.

На нем мундир отвоевавшей армии Антонеску, но он еще не сложил оружия, скрывается в лесу с бандитами. Мирча недавно вернулся с фронта, он кавалер ордена Славы... Круто разошлись пути школьных товарищей и соперников (оба ухаживали за Нуцей), и хотя сейчас между ними не происходит столкновения, эта их встреча — из тех, когда решаются судьбы. Ника понимает, что он чужой на своей родине. Мирча, завоевавший мир себе, Нуце, Чутуре, — хозяин этой земли, и ему суждено сделать ее счастливой.

Да, добро впервые может стать реальностью. Таким предощущением проникнуты страницы романа, рассказывающие об этом времени.

Но действительность оказалась суровой. Засуха, умертвившая больных и слабых и истощившая тех, кому надо было трудиться в полях. Многочисленные хозяйственные трудности... Для Мирчи, ставшего трактористом, труд не был радостью, он был только испытанием. Для Нуцы дни проходят в страхе за ослабевшего от голода и тяжелой работы Мирчу, за детей.

Критик В. Иванов «вчитал» в социально-исторический пласт романа оттепельную проблематику, отметив раскрытие в нем проблемы власти («Литературная газета» (28 мая 1968 года)). Он выступил с критикой романа на том основании, что этот вопрос поставлен в нем легковесно и в конечном счете неверно, а неоднократно встречающиеся противопоставления районного и колхозного «начальства» «простому люду» звучат нарочито, назойливо («Они жили просто, как все колхозники, зная, что никому нет дела до того, что у них там на душе творится. Властям важно только, чтобы они план выдавали да хлеб вывозили, остальное их не интересовало»). Как подметил В. Иванов, и отношение к Мирче во многом связано с тем, что он попал «в сферы», «стал начальством» «и тем самым как бы автоматически сделался чужим для односельчан» [5, 5].

В постсоветской критике поиск исторического контекста творчества И. Друцэ становится едва ли не самым значимым в его истолковании. Показательна в этой связи статья К. Хитчиса, который, анализируя роман Друцэ, отмечает, что он «не подходит к истории таким же образом, как профессиональный историк, тем не менее, он демонстрирует глубокое понимание того, как история влияет на общество в целом и на отдельных людей в частности» [8, 194]. В. Федоренко отмечает интерес писателя не только к национальной, но и русской истории, подчеркивая, что писатель «углубляется в историю России, досконально изучая отдельные ее эпизоды, которые оживут на страницах его произведений» [7, 185].

В связи с апелляцией И. Друцэ к истории критика советского времени осмыслила жанровые особенности произведения. По словам Бочарова, «можно определить жанр «Бремения нашей доброты» как субъективную эпопею: картины народного бытия на протяжении десятилетий даны сквозь «призму»

судьбы одного героя из народных глубин. А можно определить как концентрический роман: действие неизменно стягивается к главному, ведущему сюжет персонажу» [1, 10].

И. Дедковым отмечены такие черты реалистического романа, как типологизм и психологизм, умение создавать сюжет, апеллирующий не только к сознанию, но и душе читателя: «Бремя нашей доброты» щедро демонстрирует изобразительные возможности Друцэпрозаика. Повествование о судьбах бессарабской деревни, о жизни ее людей на протяжении примерно полувека ведётся писателем на такой высоте лирического накала, что читательское сопереживание безраздельно отдано героям романа и самой этой Сорокской степи, величественной и в радости, и в горе. Труд земледельца, руки земледельца, мир его чувств и мыслей — вот главный предмет художественного исследования в романе. Словно собирая, фокусируя нравственные характеристики, разбросанные в других своих произведениях, Друцэ ведет речь о народном характере, о человеческом типе, олицетворяющем все лучшее, что выработано веками труда и жизни на земле» [4, 74].

Показательно, что, желая встроить роман в известный контекст реалистической прозы, критик отметил особое наполнение образов центральных героев: «Главные герои романа, — хлебороб Онаке Карабуш, его жена Тинкуца, их дочь Нуца, — изображенные во всей точности психологии, вместе с тем представляют собой фигуры символические. Символично и их родное село Чутура, о котором автор говорит будто о живом существе с единой душой, единой плотью, единой системой кровообращения» [4, 75].

Уже при первом прочтении романа критиком была отмечена и вторая сторона романа — лирическая, проявляющаяся в его образах и стиле. «На лиро-эпический характер романа указывает название первой книги «Степные баллады» где каждый отдельный рассказ создает общую мозаику портрета героя современной молдавской литературы, примечателен здесь рассказ о тропинке от деревни до поселка, которая постоянно возрождается, как и жизнь главного героя Онаке Кэрэбуша», — замечает А. Бочаров [1, 23].

В статье «О, эти предки, наши герои...» И. Дедков определяет характер прозы Друцэ как лирический и поэтический, называя прозу поэзией: «Таковую прозу называют иногда лирической, и это тоже верно, но оценим прежде всего даже не эту искренность, не эти мягкие, лукавые интонации, а сам высокий лад этой поэтической речи, ее внутреннюю свободу, обобщающую силу и пронизательность ее метафор и символов» [4, 69].

Об оригинальном стиле Иона Друцэ говорит и критик Ирина Питляр, особое внимание она уделяет такому качеству прозы молдавского писателя, как биографичность: «Но биографичность эту никак

ни следует понимать в смысле прямого событийного соответствия, она несет гораздо более глубокий смысл: впечатления детства и юности насыщают собой произведения, заполняют их «до краев»; подчас они горьки и трагичны, подчас светлы и безмятежны, но всегда поэтичны и достоверны и всегда несут в себе нечто большее, чем просто впечатление, — большую и серьезную мысль о жизни» [6, 32].

К вопросам стиля романа Друцэ обращается и современная критика, фиксирующая свое внимание на мифологическом символическом фоне произведения.

Метафоричность письма, замешанная на молдавском фольклоре, поэтические иносказания, лукавый юмор — все это создает яркое своеобразие художественного стиля этого произведения. Малоисследованной остается фрагментарная структура повествования: текст представляет собой серию отдельных эпизодов, в сумме составляющих 50-летнюю историю жизни героя и его родной Чутуры.

Стоит заметить, что в критике 1970—80-х гг. роману была дана высочайшая оценка. Уже тогда сложилось отношение к роману как эталону молдавской прозы 60—90 годов. Тем не менее, нельзя сказать, что роман был принят безоговорочно. «... немало досталось автору именно за аполитичность сознания главного героя и за излишний лиризм повествования» [3, 29].

Игорь Дедков выделяет такие качества в прозе Друцэ, как смелость, гражданское мужество, но отмечает ограниченность авторской позиции. Критикует героя за непонимание установок Мирчи. «Вот здесь в ясном и глубоком течении романа и обнаруживаются первые пороги и перепады, — замечает автор. — Остро переживая беды своих героев, Друцэ не всегда находит в себе достаточно трезвости и зоркости, чтобы до конца разобраться в причинах. Возникают сложные связи между людьми, между жизненными явлениями, причем что-то в этих связях идет от насущной жизненной реальности, а что-то, напротив, — от искусственности, умозрительности.

Подобной неясностью, запутанностью отмечены прежде всего те мысли романа, которые связаны с отношением к Мирче старого Онаке Карабуша и с самой фигурой Мирчи» [4, 76].

Как мы уже отмечали, в легковесности социально-исторических истолкований обвиняет писателя В. Иванов: «О недостатках, об ошибках в руководстве на селе хорошо известно. Эти недостатки и ошибки, понятно, не обошли и Чутуру. Но для того, чтобы показать их, мало одной эмоциональности, мало одного сарказма: нужен внимательный разбор конкретных обстоятельств, конкретных человеческих характеров. Безликими «властями» тут не обойтись» [5, 4].

Возможно, высказанные замечания заставили автора продолжить редактирование романа, которое завершилось уже в русскоязычном его варианте в 1982 году. Тем не менее, интерес новейшей

критики к роману подтверждает главное, что было сказано о нем еще в 1970—80-е гг.: это уникальное произведение эпического масштаба, раскрывающее подробности быта, жизненную философию и характер героя-молдаванина.

1. Литература
2. Бочаров А. Тропинка Иона Друцэ / А. Бочаров // Братья по перу: молдавские писатели во всесоюзном литературном контексте. — Кишинев: Б.и., 1989. — С. 3—30.
3. Гацак В. М. Роман и фольклор: И. Друцэ «Бремя нашей доброты» / В. М. Гацак // Роль фольклора в развитии литератур народов СССР: сб. ст. — М.: Наука, 1975. — С. 16—38.
4. Гусаков В. Л. Молдавский национальный характер в романе И. Друцэ «Бремя нашей доброты» / В. Л. Гусаков // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. — 2015. — № 2. — С. 28—31.
5. Дедков И. «О, эти наши предки, эти наши герои...»: [о поэтической прозе Иона Друцэ] / И. Дедков // Братья по

перу: молдавские писатели во всесоюзном литературном контексте. — Кишинев: Б.и., 1989. — С. 66—78.

6. Иванов В. Факты жизни и художественное воплощение / В. Иванов // Литературная газета. — 1968. — 28 мая — С. 4—6.
7. Питляр И. Деятельная доброта / И. Питляр // Братья по перу: молдавские писатели во всесоюзном литературном контексте. — Кишинев: Б.и., 1989. — С. 31—56.
8. Федоренко В. Русская история в контексте художественного мировоззрения Иона Друцэ («Возвращение на круги своя», «Белая церковь», «Последнее лето Петра Великого») / В. Федоренко // Русин. — 2008. — № 1—2 (11—12). — С. 185—191.
9. Хитчинс К. История и идентичность в романах И. Друцэ / К. Хитчинс // Русин. — 2008. — № 1—2 (11—12). — С. 193—198.
10. Цвик И. И. Друцэ и А. Солженицын — опыт литературного сопоставления / И. Цвик // Мир перемен. — 2008. — № 4. — С. 161—167.

Воронежский государственный университет

Тернова Т. А., доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора

E-mail: ternova@phil.vsu.ru

Корноголуб Е. В., аспирант кафедры русской литературы

XX и XXI веков, теории литературы и фольклора

E-mail: lenutacuciuc@mail.ru

Voronezh State University

Ternova T. A., PhD, Assistant Professor of the Russian Literature of XX and XXI Centuries, Theory of Literature and Folklore Department

E-mail: ternova@phil.vsu.ru

Kornogolub E. V., Postgraduate Student of the Russian Literature of XX and XXI Centuries, Theory of Literature and Folklore Department

E-mail: lenutacuciuc@mail.ru